

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ ШКОЛЫ _____

Трихотько Жемля

Кирилловна, 9 кл

*(Финляндский край;
рег. № 2562)*

51553

~~46 + 5(9) стр~~

~~54~~ 54

51553

Целостный анализ лирического
текста.

«Дом-музей»... Названия стихотворения поражают своей краткостью, лаконичностью, и, в то же время, необычностью словом: дом, ставший музеем... Чьи дома удостоиваются такой чести? Дома поэтов, писателей, художников, музыкантов... дома, где даже после ухода творческого гения из мира земного царит невероятная атмосфера. Дом-музей - это целочи, воспоминания, которые сами по себе уже содержат крупицы творчества; это комнаты, в которых кушеров и минимов посещали муза... Дом-музей - это быт творца, ставший бытием.

Стихотворение Самойлова - это не что иное, как экскурсия по пресловутому дому-музею. Читатель на некоторое время как будто растворяется в толпе зевак, к которым

К₃ величье обращается шавкой
мирский герой произведения: „Зао-
дите, понацуйста“, - пришама
тем самым окунуть в мир
безоликого творца. Но тут же,
в первой строке, поражает своею
сухостью ряд названных предметов:
„Это стол поэта. Стул поэта. Книж-
ной шкаф. Умывальник. Фронтон. Это
штора-окно прикрывать. Вот люби-
мое кресло...“. В перечислении этих
предметов обихода нет никакого
сопереживания, сочувствия поэту
поэта. Предметы лишены дополни-
тельного художественных характе-
ристик, - в них поддерживаются их
материальная природа, что
лишает внимательный экскурс
возможности представить творца
в окружении этих вещей. „Стол
поэта“, - бездумно говорит мирс-
кий герой, но мы понимаем, что
стол Поэта - это уже не просто

стол. Вспомним „знаменитой“
стол Марины Ивановны Цветаевой,
так его воспеют: в ее произведении
это ее „исключительной верной стол“,
это оживленное существо, бли-
жайший помощник, которого она
так давно знает и любит, это стол,
лицом которой мамина
природа, а то есть первой собеседник
Поэта. Вот что есть стол поэта! Я
в стихотворении самоголова после
этого громкого словосочетания
стоит точка, оживляющая своей
цветотой. Каждый предмет поэта
перестает быть предметом, бездум-
ным субъектом! Но в нашей экскур-
сии перу внимательным и читате-
лем - не более, чем медаль.

Четкий ритм стихотворения
(трехстопный ямб); наполняет
марин, парная рифма в первой
строке поражает сухостью. В
этой строке экскурсавод называет

К₃

1

поэта „покойник“, - в рассматрива-
емом контексте он символизирует
по сути своей, противоположные
слова: поэт (мотив творчества, жизни,
вдохновения, верности) и покойник
(мотив смерти). Когда в речи
героя соединяются эти понятия,
эти понятия, мы понимаем, что
перед нами - образ героя, недостой-
ного прикосновения к творчеству,
пустого человека. Таким образом,
возникает „конфликт характеров“;
говоря языком прозы и „конфликт
поэта и толпы“, говоря на языке
лирики.

Есть в коммате с бездумными
предметами однако и деталь,
достойная откровенно портре-
тного описания лирического героя:
портрет безумного поэта в
юности:

Это вот безумный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.

Почему-то он сумел пролететь.

(Все ученые спорят об этом.)
Образ „всех ученых“, возникший в
этом отрывке, мало чем отличается
от образа экскурсовода: их инте-
ресует не сам поэт (его творчество,
взгляд, поза как ~~слова~~ ^{способ} выражения
внутреннего состояния), а вопрос:
„почему он пролетит?“, - их интересуют
не содержание, а внешняя форма.

Зато второй (более поздний по времени
создания) портрет лирический герой
называет эпитетом „ураган“, - чита-
тель догадывается, что предвзвучив
портрет бои не так ураган, гран-
диозен, быть может, как первый.

„Он писал тогда оду „Ураган“, - неболь-
шой комментарий лирического героя
позволяет читателю, знающему,
что ода - лирический жанр, хвалебная
песнь (одна из самых популярных способов
выражения чувства среди писателей
и поэтов классицизма), предположить,

↑ } что и портрет боти в классицистичес-
ком стиле, - парадный. Так вот, что
есть "узнаой" в сознании ограничен-
ного человека, написано на внешнюю
натурность и пошлость... Что разве не
заслуживает пристального внима-
ния и "безымянной портрет"? Да,
возможно, в нем нет того блеска
и торжественности, но, порою,
(если не всегда) ищем в отсутствии
этой "лишней" но можем
увидеть настоящую суть человека.

Читая стихотворение, мы
постепенно открываем узнаем
биографию безымянного писателя:
например, во второй строке:

«Он писал тогда вду «Филой»
И был сослан за это в Кашуру.
Вот скруток его с рваной пелюй -
След души.

Обратив внимание на год написания
стихотворения (1961), мы помним,
что перед слушателями - коммента

давно умершего поэта (слова "душо",
"скруток", "пошл" боти уже давно
неактуальны во времени оттенен),
что эта книга творческого гения
пропитана духом давно забытых
времен... И как равнодушно и небрежно
неси этого факта смотрующая
манера рассказа лирического героя,
сухо констатирующего факты
биографии творца, как бесцельно,
без дальнего трепета перед другой
эпохой ^{герой} ~~он~~ указывает на предмет
поэта:

«Вот начало "Послания к другу".

Вот письмо "Принадаето к стопали".

Но и в этих строках узнаем, что
поэт, чье имя еще мы ищем
честь рассматривать писал
дружескую и, возможно, любовную
лирику. Перед нами образ певца
любви, смущенный муз... ~~и~~
никак не "покойного". Примечательно,
что в одной строке (во второй) рас-

положено как описание творческой биографии писателя, так и упоминания материальных ценностей ушедшего из жизни творца: и пьеса, и любимая посуда... Ставя в один ряд предмет возвышенной и материальной природы, мирисский герой еще более ушматается в глазах читателей. „любимое блюдо“, - бросает мирисский герой; а почему именно это было любимое блюдо? Вот может, это подарок дорого человека или памятной сувенир после дальних странствий? Читает „любимой“ (принимавший в той фразе двумя материальными субъектами - блюду и стакану) сам по себе имеет очень широкое значение: любимой - тот, которой любит. любит - ^{сильное} шово, ⁺⁺⁺ выражающее глубокое чувство - не симпатично, одобрение, а любовь.

„любимой стакан“ - значит не просто предмет обьемной и широчайшей конкретное название, а это вещь с историей, которую с нашими „путеводителем по миру искусства“ будет невозможно узнать.

„Завитушки и прога пера“, - встречаем сразу в третьей строке; вот, что есть поэзия для героя - „завитушки“ (использование самой любви такого просторечного слова создает явную иронию над шаблонными героями). Что ведь в этих „завитушках“ - смысл! Надо только вчитаться в строки, чтобы не пометь, а не лишьзреть издали хвостики, крючочки и петельки.

„Вариантом поэмы „Ура!“, - говорит мирисский герой, и мы узнаем, что ушедший из жизни поэт был достаточно эмоциональным человеком: использование восклицания в качестве названия; *Это отсылка к Маяковскому?*

выбор в качестве определяющего
матрица имени поэта - все указы-
вает на то, что в своих
действительных творениях (не только
конкретной поэзии) руководствуется
не разумом, а расцужком, а
чувствами. Подход бездушного
экскурсовода к описанию
жизни поэта - очень рационален,
что создает явное противоречие
между двумя не просто разными,
но уже противоположными
героями - поэтом и человеком.
И этот человек - не конкретный
экскурсовод в конкретном доме-музее,
это любой представитель
толпы, чья жизнь - не взарема
чувствами, вдохновлением, силой.
И автора „Зрительские лица“, -
слова вскользь упоминает один
из жизненных фактов поэта
экскурсовод, лишая нас возможнос-
ти увидеть в природе заслуг

знающего обитателя комнаты: полу-
чили ли они их за боевые сражения, и,
если да, то за какие?... Чувствительному
слушателю будут интересны даже
мельчайшие подробности жизни
творца... Но звучит колокол: „Отправь-
ся далее“.

„Далеко герой-экскурсовод поведет:“

Тогда спартаков. Венеция. Рим.

Древности. Западная. Петербург.

Сколько всего можно произойти в
эти годы спартаков! Сколько
историй, встреч с людьми... Возвра-
щаемся, несмотря на весьма скудные
характеристики, закрываемые в
наиболее приемлемые, не может
не подсказать этих вопросов, как
был:

„Во устах? Уж скоро концы“

Только теперь читатель, задержав-
шийся в рубрике смотрит по
сторонам и понимает, что он
окружен, зашат толпою зевак, которых

так же, как «Всеми угадана» и
как экскурсоводу бырашлем
внутренней мир поэта. Все
эти герои образуют толпу,
«туңуочернь», упомянутаю в
спикомборекее А.С. Пушкина
«Тот и толпа», считающую,
что искусство - чему-то учит,
кому-то должно...

В этой же, третьей строке мы
узнаем, что поэт погиб. Закат
его жизни был вызантом и
перу смертью он прощентал
изрегель: «хочетия не...». По
оценке экскурсовода - слова
услератоцего «невметное», так
как мейзи пометь, ^{целю} ~~целю~~ ~~целю~~ ~~целю~~
хотел поэт - песен или перелья.
Торазительно... это было бы так
селемю, если бы не так грустно:
до какой мнцости опускает герой
творчество. Песни, перелья... - все
одно. Между этими словами -

припра, которую пишет дирижерски
герой, созиная два против^{оположных}
друг другу пометия в одном стихе.

«Что узнает, что он хотел, этот
старый поэт перу пробам», - го-
ворит, словно отмахивалась
рукой л. г. Силтаксинская конст-
рукция «Что узнает» равна
другой «силтаксинской конст-
рукции «кто его знает», которая,
в свою очередь, силтаксинская новой -
«черт его знает», то есть вот,
до какой мнцости опускает творчество
герой - до ага. ^{уже} ~~уже~~ ~~уже~~ ~~уже~~
«старый поэт» тоже несет негатив-
ную окраску. Только все эти характе-
ристики творчества, творца опускают
«до ага» в глазах чуткого читателя
не творчество, а человека, уклонив-
шегося от моральных и нравствен-
ных идеалов, в смысле чего мсно-
собного постигь искусство.

~~Уронимо селетеле приметки~~

в (убого-
перелья?)

Окончательно поражают своим
мажорированием последние строки.
Определяющую смысловую нагрузку
в них несет слово „толпачество“, -
если до этого мы делаем
предположение, что перу нашего
толпы, то сейчас она прямо
названа так прямо. „Смерть
поэта“ - смерть духа, творчества... Это
трагедия, которой выколоть касается
экскурсовод. И пишет ли он,
что в его речи была целая
жизнь творца, что в этом
доме-музее - атмосфера творчества
и что он - интеллигентный человек
перед этим духовным миром?
Конечно, нет.

Обратившись к жителям к
стихотворению, мы замечаем
и там очевидное противоречие:
статистическая точка зрения
~~не просто~~ творца и умение
человека толпы (автор показывает

не указав, но он и не важен - в
толпе все равно). Речь с
наибольшим, содержательными
строками творца ^{создаст} толпу
слова толпы.

Литературски сменяющаяся
рифма стихотворения позволяет
составить более подробную кар-ку
нашего героя: рифму, к примеру,
возвращенное „к стопам“ с шипом,
материальности „стакан“, он
показывает, что для него эти
поэзия - равнозначна, но не по
причине равнозначия, а по
причине невозможности для
толпы почти тайно вхождение
и творчества.

Композиция стихотворения
заслуживает отдельного внимания.
Каждая строка - описание
определенной комнаты, детали
интерьера, пожелание, иероглиф-
поиски ~~и~~ комментарием иерогли-

кого края. В стихотворении прослеживаются два сюжета - жекурши и жизнь поэта, возникают два конфликтующих образа - "поэт" и "ташна", поэтому в последних двух стихах произведены две развязки - смерть поэта и окончание жекурши.

Перед читателем "доля-шудя" - заново осмысленный вопрос отношения между толпой и творцом. В увлекательной форме жекурши Табу Саидов показывает читателю два противоположных лагеря, приглашая читателя занять одну из позиций в этом споре (или, по "приглашению", а не "обязывая" - в стихотворении нет явной установки на пробуждение морали).

Показывая степень чуждости восприятия творчества толпой благодаря прошли, автор акценти-

рует внимание на пробуждении читателя и приглашает к осмыслению своего места в великом конфликте (А оно зависит от того, как читатель интерпретирует прошедший стих "Непомятое: ^{так} "логотип не..."). Оценитесь вокруг и переосмыслите - не стали ли вы таковыми жекурсаворами в этой жизни?

1. Смысл стихотворения раскрыт. Баз ~~21~~ оригинально и четко
2. Работа автора в творчестве и свободна 16
3. Две существенные ошибки в терминологии: 6
4. Тон, градусный много ошибок 6
5. Оригинальность. Работа отличается глубокими выводами, интересными суждениями. 5

Т.В. Рыжова
Н.И. Еркин

21-16-6-6-5 =

540